

VII.

„Современный апостоль“.*)

„Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь“. (Мѡ. 19—20).

Да, если бы не крѣпкая вѣра къ Божественному Учителю, сказавшему: „Идите, научите всѣ народы“..., то какъ бы слабый человѣкъ могъ подвинуться на такое великое и славное полувѣковое дѣло, какое съ достоинствомъ совершилъ современный апостоль страны восходящаго солнца—Японіи, въ Бозѣ почившій Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Николай... Онъ возложенное на него тяжелое бремя апостольскаго служенія съ достоинствомъ донесъ до конца и остался вѣрнымъ Христу до гроба. Воистину, „Никтоже больше имѣетъ любви, да кто душу свою положить за други свои“... Да, онъ какъ самоотверженный работникъ на нивѣ Господней, неутомимый миссіонеръ, неустрашимо, ради любви къ Богу и ближнимъ, шель по пути своего высокаго служенія. За его мужество и самоотреченіе Господь далъ ему силы незамѣтно переносить тѣ великія скорби и лишенія, которыя выпали на его долю въ далекой языческой странѣ. Хотя онъ былъ въ чужой странѣ, но онъ былъ связанъ со своей родной отчизной неразрывными узами любви и только ради любви ко Христу и погибающему во тьмѣ невѣденія человѣчеству, онъ несъ тяжелое испытаніе, а въ особенности тоску по своей родинѣ его собратія, связанные съ нимъ неразрывно духовной любовью, помнятъ о немъ, брошенномъ на край свѣта, молятся о немъ не только родные, собратія, но и вся Церковь. Онъ надѣялся, что если въ пылу апостольской дѣятельности застигнетъ его смерть, то онъ умретъ безтрепетно съ сознаниемъ, что онъ свято исполнилъ свой священный долгъ, и съ несомнѣнною надеждою, что за это ему будетъ уготована стократная награда.

*) По случаю блаженной кончины Высокопреосвященнѣйшаго Николая, Архіепископа Японскаго. (3 февраля 1912 г.).

Въ моментъ тяжелыхъ дней войны, онъ, какъ добрый пастырь, не оставилъ своихъ овецъ, но остался съ ними вмѣстѣ жить, страдать и умереть. Онъ мужественно заявилъ, что лишь „наемникъ“ оставляетъ овцы и бѣгаетъ, а пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“. (Іоан. X, 11 — 12). Что рельефно выражено въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя отъ 9 октября 1905 года: „Вы явили предъ всѣми, что православная церковь Христова, чуждая мірскаго владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлетъ любовію всѣ племена и всѣ языки. Въ тяжкое же время войны вы, по завѣту Христову не оставили ввѣреннаго вамъ стада, и благодать любви и вѣры дала вамъ силу выдержать огненное испытаніе брани, и посреди вражды бранной удержать миръ вѣры и молитвы въ созданной вашими трудами церкви“. А сколько злобы, наглої лжи, клеветы и надругательства пришлось ему встрѣтить на своемъ тернистомъ жизненномъ пути не только отъ язычниковъ, но и отъ своихъ присныхъ и соплеменныхъ?... А въ тяжелую годину испытанія, когда японская чернь разрушала и грабила католическія и протестантскія миссіи въ городѣ Токио, и только вѣра и молитвы Святителя спасли русскую миссію, которая осталась неприкосновенною, несмотря на то, что демонстративная масса озлобленныхъ проходила мимо ея зданій...

Насколько эта вѣра была живой и сильной у Святителя, мы можемъ судить изъ словъ одного изъ его писемъ, гдѣ онъ говоритъ: „съ каждымъ днемъ число новообращенныхъ растетъ... Господь попустилъ намъ испытать гоненіе, но неизбежная туча уже пронеслась мимо. И какъ гроза оживляетъ красоты природы, такъ и минувшее испытаніе воспламенило еще больше и безъ того полные ревности сердца чадъ Христовыхъ.

Въ Сендай бы теперь! Болѣе сотни вѣрующихъ жаждутъ тамъ св. крещенія. Въ Осака бы теперь! Вездѣ сочувствующіе намъ, вездѣ жаждущіе насъ, вездѣ дѣло живое, животрепещущее, вездѣ зачатки жизни, полной, горячей, глубокой любви. И да внемлетъ Богъ моимъ словамъ, моеї клятвѣ. Не вѣрите искренности моихъ словъ? Увы, я слишкомъ ясно сознаю, до нестерпимой боли чувствую самъ свою искренность. Что я? Имѣю косный и слабый языкъ возвѣщать дѣла Божіи. Но камень бы развѣ на моемъ мѣстѣ не заговорилъ. Вотъ въ сегодняшній вечеръ, занятый письмомъ, замедлилъ катехизаціей—и трое уже одинъ за другимъ приходили и, кланяясь въ землю, просили говорить о Христѣ. Какой трудъ для Бога не увѣнчается успѣхомъ!“...

Эти слова яснѣ словъ великаго поэта и ярче красокъ знаменитаго художника намъ говорятъ о той пламенной вѣрѣ и огненной ревности святителя, ярко горящаго какъ великій свѣтильникъ цѣлые полвѣка, среди непросвѣтной тьмы грубаго фанатизма язычниковъ.

Его великая христіанская любовь къ бѣднымъ людямъ, бродящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, во мракѣ язычества послужить высокимъ примѣромъ для новыхъ ревнителей апостольскаго служенія, воодушевляя ихъ на новые подвиги и ободряя вышедшихъ съ крестомъ въ рукахъ на зовъ Небеснаго Учителя: „шедше научите вся языки“...

Да, миссіонерское дѣло, дѣло великое, дѣло апостольское. Божественный Жизнодавецъ Христосъ велитъ идти даже за одной заблудшей овцой, оставивъ девяносто девять. И апостольскій воодушевляющій, говоря, кто возвратитъ грѣшника отъ заблужденія пути его, тотъ пусть знаетъ, что онъ спасетъ свою душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ. А покойный святитель десятки тысячъ заблудшихъ душъ спасъ и направилъ на путь правый. Нѣтъ, чтобы написать его точный душевный портретъ нужно перо знаменитаго поэта и кисть талантливаго художника. Нашъ духъ слабъ охватить величіе духа того святителя, котораго еще при жизни чтить народъ всѣхъ странъ почти наравнѣ съ великимъ молитвенникомъ батюшкой о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Думаю, что никакая коварная сила не сможетъ отвергать его непрерывнаго полувѣковаго тяжелаго апостольскаго подвига, его праведной жизни, особой прозорливости, его близости къ Богу. Даже язычники, и тѣ помѣщали въ газетахъ его портреты съ сіяніемъ и нимбомъ и часто называли „Сай Да Си-кіо“, т. е. „Святой архіепископъ“. Донеслась вѣсть о жизни современнаго апостола и до Царственнаго слуха Монарха и съ высоты Царственнаго Россійскаго Престола 6 мая 1908 г. прозвучало громогласно: „Достойное святительское служеніе ваше, исполненное горячей ревности о славѣ Церкви Православной и неутомимыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ трудовъ по озарѣнію свѣтомъ Христова Евангелія жителей страны Японской, являетъ собою высоконазидательный примѣръ апостольскаго подвига“.

Какъ отрадно дѣлается на душѣ, когда воочию видишь, что еще „не оскудѣ преподобный“...

І. Серафимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

VII.

„Современный апостоль“¹⁾.

По случаю блаженной кончины Высокопреосвященнѣйшаго Николая, Архіепископа Японскаго. († 3 февраля 1912 г.).

(Продолженіе).

Почившій архипастырь, въ мірѣ Іоаннъ Дмитріевичъ Касаткинъ, родился 1 августа 1836 года въ селѣ Егорье-на-Березѣ, Смоленской губ., Бѣльскаго уѣзда отъ бѣдныхъ родителей духовнаго званія²⁾. Конечно, не мало выпало на долю юнаго воспитанника духовной школы Касаткина скорбей и лишеній, въ виду его бѣдности. По Смоленской семинаріи въ 1856 году онъ какъ лучшій воспитанникъ былъ отправленъ для продолженія образованія въ С.-Петербургскую Духовную Академію, каковую онъ блестяще окончилъ со степенью кандидата богословія въ 1860 году.

Одинъ изъ его біографовъ въ „Колоколѣ“ пишетъ: „жизнерадостный студентъ не задумывался особенно надъ тѣмъ, какъ ему придется въ дальнѣйшемъ устроить свою судьбу. Онъ спокойно праздновалъ окончаніе курса и танцевалъ на свадьбѣ у своихъ родственниковъ. Кто бы могъ подумать, что танцующій юноша чрезъ нѣсколько дней приметъ постриженіе? И однако это совершилось. Проходя какъ-то по академическимъ комнатамъ, для занятій, Иванъ Дмитріевичъ совершенно машинально остановилъ свой взоръ на лежавшемъ на столѣ листѣ бумаги. Взявши въ руки бумагу, онъ прочиталъ такія строки: не желаетъ ли кто изъ окончившихъ курсъ академіи отправиться въ Японію на должность настоятеля посольской церкви въ Хакодатѣ и приступить къ проповѣди православія въ указанной странѣ. На листѣ записали свои фамиліи лучшіе по успѣхамъ товарищи И. Д. Касаткина и выразили желаніе ѣхать въ Японію въ санѣ священника⁴⁾. Будущій инокъ сначала не обратилъ на это вниманія и спокойно отправился ко

¹⁾ См. „Голосъ Долга“, 1912 г., № 1.

²⁾ Въ память владыки на его родинѣ устроена по инициативѣ почившаго С. А. Рачинскаго хорошая церковно-приходская школа.

³⁾ Ср. Арх. Сергій. „На Дальнемъ Востока“ 1897 г. Арзамасъ. Стр. 95—109. Ср. Ѳ. Прохоренко. Стр. 1—3.

⁴⁾ Если я не ошибаюсь, въ числѣ записавшихся были нынѣ митрофорные протоіереи—близкій другъ владыки о. Ѳ. Быстровъ, и, кажется, проф. дух. акад. о. Соллертинскій С. П.

всенощной. Но вотъ здѣсь-то, въ храмѣ Божіемъ божественный глаголь коснулся чуткой души чистаго юноши. Его призваніе было рѣшено въ нѣсколько минутъ. Онъ немедленно отправился къ ректору академіи и заявилъ ему, что онъ желаетъ ѣхать въ Японію миссіонеромъ, но не женатымъ священникомъ, какъ предлагали его товарищи, а монахомъ. Ректоръ въ свою очередь доложилъ объ этомъ митрополиту, и Касаткину было дано преимущество предъ товарищами. Онъ былъ назначенъ миссіонеромъ и консульскимъ священникомъ въ г. Хакодате. 24 іюня 1860 г. юнаго Ивана Дмитріевича постригли въ монашество съ именемъ „Николай“. 29 іюня онъ былъ рукоположенъ во іеродіакона, а на слѣдующій день (30) во іеромонаха.

„Такъ вдругъ совершился этотъ поворотъ, и совершился на всегда, съ тѣхъ поръ о. Николай уже не зналъ никого и ничего кромѣ церкви и насажденной имъ миссіи“ въ теченіи 52 лѣтъ (1860—1912 г.г.).

Много пришлось пережить и перечувствовать о. Николаю, прежде чѣмъ онъ достигъ предѣловъ далекой, незнакомой страны. Путь его лежалъ черезъ Сибирь. Зимовалъ о. Николай въ Николаевскѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ великимъ сибирскимъ миссіонеромъ Иннокентіемъ. Святитель отчески обладалъ юнаго инока и преподавалъ ему цѣнныя, практическія наставленія.

Отсюда о. Николай двинулся дальше:

„Когда я ѣхалъ туда, говорилъ онъ, я много мечталъ о своей Японіи. Она рисовалась въ моемъ воображеніи, какъ невѣста, поджидавшая моего прихода съ букетомъ въ рукахъ. Вотъ прощется въ ея тѣмѣ вѣсть о Христѣ и все обновится. Приѣхалъ, смотрю—моя невѣста спитъ самымъ прозаическимъ образомъ и даже не думаетъ обо мнѣ.

Въ Японію о. Николай прибылъ 2 іюня 1861 г. и занялъ мѣсто настоятеля при консульской церкви въ г. Хакодате. Тогда эта страна только что была открыта для европейцевъ. Несмотря на это, японцы не только чуждались, но и прямо ненавидѣли ихъ. Въ европейцевъ бросали камнями, или изъ-за угла, рубили саблями. О проповѣди пока нечего было и думать. Вотъ какъ самъ преосвященный Николай вспоминаетъ о томъ времени: „Тогда я былъ молодъ и не лишень воображенія, которое рисовало мнѣ толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затѣмъ и послѣдователей слова Божія, разъ это послѣднее раздастся въ японской странѣ. Какое же было мое разочарованіе, когда я, по прибытіи въ Японію, встрѣтилъ совершенно противоположное тому, о чемъ мечталъ! Тогдашніе японцы смотрѣли на иностранцевъ, какъ на звѣрей, а на христіанство, какъ на злодѣйскую секту къ которой могутъ принадлежать только отъявленные злодѣи и чародѣи“.

Тотчасъ же по прїѣздѣ молодой іеромонахъ засѣлъ за изученіе языка, господствующихъ религіозныхъ ученій-буддизма, синтоизма, конфуціанства, исторіи и литературы японскаго народа, его духа и народныхъ обычаевъ.

Упорнымъ 8-лѣтнимъ трудомъ о. Николай достигъ того, что самъ какъ бы переродился и сталъ природнымъ, образованнымъ японцемъ, а въ отношеніи исторіи и литературы, какъ древней, такъ, въ особенности, новой— даже специалистомъ.

Только съ такимъ умственнымъ багажемъ стало возможнымъ начать миссіонерскую дѣятельность и первымъ плодомъ апостольства Николая былъ синтоистскій жрецъ Савабе дотолѣ съ нескрываемой ненавистью относившійся и къ христіанству и къ его проповѣднику, неоднократно грозившій даже убить послѣдняго. Рѣчь Николая, растворенная любовью, смягчила и разогрѣла сердце гордаго самурая и побѣдила въ немъ упорство языческаго жреца. Савабе былъ крещенъ съ именемъ Павла и сталъ первенцемъ новой церкви. Въ 1875 году онъ былъ рукоположенъ во священники и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и дѣятельнымъ помощникомъ о. Николая.

Мало-по-малу около нихъ образовалось цѣлое общество новыхъ христіанъ и японская церковь стала расти. Много было на первыхъ порахъ нужды, горя, лишеній, были даже гоненія на христіанство, но любовь все побѣдила, даже ненависть и злобу язычниковъ.

Съ перемѣной и преобразованіемъ въ 1868 г. государственнаго строя и всей жизни Японіи, новое правительство стало по отношенію къ христіанству замѣтно терпимѣе и, такимъ образомъ, дѣло миссіи значительно улучшилось и двинулось впередъ.

Въ 1869 г., мы видимъ іеромонаха Николая въ С.-Петербургѣ, куда онъ прїѣхалъ спеціально для того, чтобы хлопотать объ устройствѣ и организаціи православной миссіи въ Японіи, въ виду увеличивающихся случаевъ обращенія изъ язычества въ христіанство. Ходатайство Николая было уважено Св. Синодомъ, въ 1870 году миссія была учреждена, а самъ Николай былъ назначенъ начальникомъ ея и возведенъ въ санъ архимандрита.

Дѣло миссіи, одушевляемое ревностію и примѣромъ архимандрита Николая, быстро двинулось впередъ. Слухи объ успѣхахъ православія въ Японіи все чаще и чаще стали достигать до Россіи и въ 1880 г. Св. Синодъ для пользы юной японской церкви призналъ благовременнымъ возвести архимандрита Николая въ санъ епископа. Вызванный для этой цѣли въ Петербургъ архимандритъ Николай 22 марта 1880 года былъ нареченъ во епископа, а 30 марта состоялась хиротонія его.

Іеромонахъ Серафимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ряютъ, надѣясь ограничить неограниченную Царскую власть и завладѣть самимъ властью.

Итакъ власть Русскаго Царя попрежнему осталась верховной, самодержавной и неограниченной. Ни единичная, ни коллективная воля поданныхъ Россійской имперіи, не можетъ ни одной іотой ограничить власть Русскаго Монарха. Такого ограниченія не допустить и національный фундаментъ, на которомъ покоится у насъ Царская власть. Русскій народъ не зналъ борьбы за власть. Установленіе единодержавія, говоритъ проф. Сергѣевичъ, было актомъ народной воли. Народъ самъ избралъ для всей Руси одного Государя, и это всенародное избраніе навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государствѣ и единомъ Царѣ. Замѣчательно, что и здѣсь народъ отнюдь не призналъ себя властью, отъ которой зависитъ Царь, а назвалъ Царя „Богомъ избраннымъ“. Дѣйствуетъ Царь также „Божією поспѣшествующею милостью и отчитывается только предъ Богомъ“. Идея народовластія или народоправства, какъ лицемѣрно нелѣпая, выдуманная, чтобы дать вышнимъ сословіямъ незамѣтно держать въ рукахъ народъ, чужда душѣ русскаго народа,—этого „богоносца“. Посему, если самодержавная власть Русскаго Царя въ своемъ происхожденіи и содержаніи поставлена народомъ чрезъ Церковь въ зависимость только отъ Бога, то и Самъ Монархъ не можетъ поставить эту власть въ зависимость отъ чьей-либо другой воли, кромѣ Божьей. Иначе такая власть перестанетъ быть властью Русскаго Царя, такъ-какъ перестанетъ быть отраженіемъ души русскаго патріота.

Иеромонахъ Серафимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

VII.

„Современный апостоль“^{*)}.

(Продолженіе).

Миссіонерская дѣятельность въ Японіи къ этому времени захватывала все большую и большую область. Для приготовленія пастырей устроена была семинарія, открыто было нѣсколько катехизаторскихъ училищъ. Самъ

^{*)} Смори „Голосъ Долга“—1912 г. № 2.

Николай училъ въ семинаріи, переводилъ богослужебныя книги и учебники, велъ катехизацію, объѣзжалъ христіанскія общины, преподавая указанія и наставленія священникамъ и катехизаторамъ, вездѣ и во всемъ являя себя образцомъ любви и ревности.

Въ 1884 г. преосвящ. Николай приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты—постройки православнаго собора въ Токио.

До того времени въ Японіи и именно въ Токио существовала лишь домовая церковь при миссійскихъ зданіяхъ, сооруженныхъ по инициативѣ и трудами того же Николая.

На сооруженіе собора еп. Николай собралъ отъ различныхъ благотворителей до 300 т. руб. и въ 1884 г. началъ постройку. Посреди столицы, возвышаясь надъ окрестностями, находился холмъ Суругадай—пріобрѣтенный миссіей у правительства еще ранѣе для постройки миссійскихъ зданій. На самой возвышенной части этого холма и находится теперь величественный православный соборъ во имя Воскресенія Христова, называемый японцами по просту „храмъ Никорай“.

Въ 1891 г. 24 февраля соборъ былъ торжественно освященъ и въ настоящее время служитъ гордостью японскихъ христіанъ. „Соборъ этотъ будетъ памятенъ, будетъ изучаемъ, подражаемъ,—писалъ арх. Николай—многіе не десятки, а смѣло говорю, сотни лѣтъ, ибо храмъ дѣйствительно замѣчательнѣйшее зданіе въ столицѣ Японіи—зданіе, о которомъ слава разнеслась по Европѣ и Америкѣ еще прежде его окончанія и которое нынѣ будучи окончено, по справедливости, вызываетъ вниманіе, любопытство и удивленіе всѣхъ, кто бываетъ въ Токио“.

Большая часть пожертвованій на сооруженіе этого собора, а также вся церковная утварь, иконостасъ, колокола все было доставлено изъ Россіи. Даже звонарь—Оеодоръ—и тотъ былъ выписанъ изъ Россіи же. Трудями святителя Николая въ Японіи выстроено еще нѣсколько православныхъ храмовъ, послѣ японской войны, въ Нагасаки, Оосака и особенно замѣчательнъ выстроенный на средства извѣстной Московской благотворительницы, К. Ф. Колесниковой, храмъ—памятникъ около могилы русскихъ воиновъ въ Мацуяма. . .

Такимъ образомъ, все, что создано въ православной Японіи,—великолѣпные храмы, христіанскія школы,—все это своимъ возникновеніемъ обязано одному великому человѣку—архіепископу Николаю—истинному апостолу и просвѣтителю Японіи.

Внутренній бытъ церкви японской поражаетъ своею патріархальностью, напоминающей первыя времена христіанства: ежегодно архіепископъ объѣзжалъ все православныя церкви, обходилъ дома христіанъ, разспрашивалъ объ ихъ нуждахъ, любовно входя въ совѣсть каждаго духовнаго своего сына. При посѣщеніи каждаго прихода община собирала совѣтъ и здѣсь вмѣстѣ съ архіепископомъ рѣшала свои дѣла, здѣсь же принимались мѣры „поднять опустившихся“, „возвратить ушедшихъ“.

Вышею инстанціею церковнаго управленія являются соборы. Ежегодно, въ концѣ іюня въ Токио или О-осака, перемѣнно,—собирается духовенство, катехизаторы и выборные изъ мірянъ. Засѣданія собора происходятъ просто и оживленно. Въ церкви у амвона ставятъ столъ для архіепископа и старшихъ священниковъ, остальные члены садятся по японскому обычаю на полу. Архіепископъ открываетъ засѣданіе молитвою и поученіемъ; затѣмъ читаются отчеты о состояніи приходовъ, разрѣшаются важнѣйшіе вопросы по устройству и управленію японской церковью, производятся выборы священниковъ, назначеніе катехизаторовъ и проч.

Независимо отъ сего въ каждой общинѣ періодически происходятъ церковныя собранія, гдѣ клиръ и народъ вмѣстѣ бесѣдуютъ, молятся, слушаютъ поученія, разсуждаютъ о своихъ приходскихъ нуждахъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Японіи до 40000 православныхъ въ 300 приходахъ. Ежегодно прибываетъ до 2000 прозелитовъ. Открыты школы мужскія и женскія, низшія и среднія. Миссія издаетъ нѣсколько журналовъ.

Трудами архіепископа Николая переведены на японскій языкъ почти все богослужебныя книги и нѣкоторыя изъ твореній св. отцовъ. До послѣдняго времени архіеп. Николай продолжалъ быть главой и дѣятельнымъ начальникомъ и руководителемъ своей паствы, обращая особое вниманіе на веденіе учебнаго дѣла въ семинаріяхъ и катехизаторскихъ школахъ. До послѣднихъ дней жизни почившій іерархъ не переставалъ заниматься переводами священныхъ книгъ, находя въ этомъ дѣлѣ забвеніе отъ своего тяжкаго недуга *).

О началѣ и ходѣ болѣзни Архіепископа Николая написано въ письмѣ епископа Кіотосскаго Сергія къ епископу Андронику, каковое, какъ заслуживающее вниманія, привожу полностью.

„16 января. Съ великимъ прискорбіемъ долженъ извѣстить васъ о тяжелой болѣзни святителя Николая. Болѣзнь его сильно мучила, безъ пере-

*) „Колоколь“—№ 1750.

рыва, весь декабрь почти. По ночамъ онъ или вовсе не спалъ, или спалъ нѣсколько, сидя въ креслѣ. Но все же работалъ. Съ 29 декабря болѣзнь усилилась такъ, что онъ и днемъ большую часть или пытался „дополнить сонъ“ (его выраженіе) на койкѣ, или полу-дремалъ, сидя на креслѣ. А „для развлеченія“ (sic!) Заниматься дѣлами пытался-конечно, составленіемъ годового отчета. Въ виду того, что слабость его и мучительность болѣзни все усиливалась, вызвали доктора-американца, который послѣ трехъ визитовъ (7, 9 и 11 января) потребовалъ, чтобы владыка легъ въ госпиталь. Онъ согласился и въ 11 ч. утра 11 янв. мы его отвезли въ St. Luk'es Hosital, въ Цукидзи въ Токио. 11 числа владыка ослабѣлъ настолько, что пытаюсь встать со стула въ госпиталѣ, три раза упалъ. 12-го былъ настолько плохъ, что двѣ сестры милосердія и докторъ неотлучно стояли при немъ, слушая его пульсъ, дыханіе, и временами иглой вспрыскивали въ организмъ какія-то сильныя снадобья. Оказывается, моментъ былъ настолько опасный, что доктора ежеминутно ждали катастрофы... 12 число владыка не помнитъ и о 12 доселѣ ничего не знаетъ. 13-го съ утра владыка былъ въ полубреду... Но потомъ сознаніе стало вполне яснымъ. И таково доселѣ. И силы есть: можетъ пройтись по комнатѣ. Почти все время дремлетъ, но сидя... „Всего искололи“, — жалуется: доселѣ живетъ на вспрыскиваніяхъ. Таковъ внѣшній ходъ болѣзни святителя. А сущность ея главный докторъ такъ опредѣлилъ: „Астма. На почвѣ крайне слабаго, совершенно-испорченнаго сердца... Болѣзнь почекъ...“ — „Имѣете-ли надежду на выздоровленіе?“ — спрашиваю. Категорически: „не имѣю“. — „Итакъ, выздоровленіе невозможно?“ — продолжаю. — „Вѣроятно, не выздоровѣетъ. Но организмъ владыки удивительно сильный, и болѣзнь можетъ затянуться на три недѣли, на мѣсяць, самое большее на шесть недѣль. Но не ручаюсь, что и внезапно не скончается онъ... Здѣсь мы всякими вспрыскиваніями предотвращаемъ возможность „внезапной катастрофы“. Но будь онъ дома, — умеръ бы 12-го“. — Скорбныя рѣчи... Убилъ меня этотъ приговоръ... Поражены христіане... И вотъ владыку все „колютъ“... А онъ жалуется, что и здѣсь лучше нѣтъ... И временами подумываетъ о Суругадаѣ (т. е. о возвращеніи въ миссію). Но силы его постепенно оставляютъ... Дежурятъ въ госпиталѣ іереи и христіане (по секрету отъ владыки). Я у него утромъ и вечеромъ. Посѣтителей не допускаютъ (требуется абсолютнѣйшій покой). Утромъ о здравіи его литургія, вечеромъ молебны служилъ ежедневно... Но газеты обрадовались сенсаціи... И только и разговоръ о „Николаѣ“... Въ уныніи провинція, и ѣдутъ „для посѣщенія“ іереи или христіане отовсюду;

изъ Сендая даже, изъ Тосхаси даже... Невозможное для докторовъ, возможно для Бога. И мы молимся, усердно молимся за святителя. Помолитесь, святитель дорогой и вы за него, если не поздно придетъ письмо мое... Лично я пораженъ той быстротой, съ какой болѣзнь, начавшаяся замѣтно съ 1910 г., пошла къ концу... И разбились все мои планы 1912 г. Хотѣлъ и долженъ былъ я посѣтить до Пасхи приходы Симооса, Маебаси и Такасаки (на два мѣсяца работы), а послѣ Пасхи до собора докончить кой-что въ приходахъ умершаго о. Тита Комацу, Петра Сасагава и о. Бориса Ямамура. Окончивъ все это, я къ собору сего года посѣтилъ бы безъ остатка всехъ христіанъ Японіи... И вотъ—неожиданно сижу въ Токіо, днемъ скорблю или у одра больного, или дома; да и ночью... полусплю подъ угрозю неожиданнаго телефона... Доктора все-же увѣряютъ, что „вѣроятно“ не будетъ неожиданности... Самъ владыка часто говорилъ: „скоро, папихида“... Но это было до болѣзни. Теперь же онъ или не думаетъ о серьезности положенія, или быть можетъ скрываетъ свои думы. Такъ или иначе, но надо ему предложить особороваться. Итакъ, помолитесь за святителя, за облегченіе его мученій, за его выздоровленіе. Помолитесь и за меня да дастъ и мнѣ Господь силы все устроить въ сіи тревожные дни къ славу Его Пресвятаго Имени“.*)

Изъ донесенія преосвященнаго Сергія Святѣйшему Синоду видно, что 17 января у кровати болѣвшаго архипастыря въ помѣщеніи госпиталя состоялся консиліумъ врачей во главѣ съ профессоромъ Аояма.

Всеми врачами было установлено дурное состояніе какъ сердца, такъ и почекъ. Продолжительность жизни врачи опредѣлили отъ 2 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

На другой день послѣ консиліума высокопреосвященный Николай спросилъ у пользовавшаго его врача Блисса о мнѣніи консиліума, говоря, что у него еще много неоконченныхъ дѣлъ.

Врачъ не скрылъ отъ архіепископа правды и сказалъ, что ему остается жить двѣ-три недѣли и, во всякомъ случаѣ, не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Это откровенное заявленіе врача ни на мгновеніе не смутило іерарха и онъ только сталъ свѣшить перебраться къ себѣ домой, въ Суругадай, что удалось сдѣлать лишь 23-го января, когда высокопреосвященному Николаю, стало немного лучше.

Иеромонахъ Серафимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Колоколь № 1749.

VII.

„Современный апостоль“*).

(Окончаніе).

Находясь еще въ больницѣ, архіепископъ закончилъ переводъ послѣднихъ листовъ цвѣтной тріоди на японскій языкъ, а возвратясь въ Суругадай, немедленно приступилъ къ составленію отчета по миссіи за 1911 г. Первый экземпляръ отчета былъ собственноручно переписанъ больнымъ.

Высокопреосвященный Николай совершенно не выходилъ изъ своей комнаты; временами силы его оставляли, но при малѣйшемъ улучшеніи онъ вставалъ и продолжалъ свою работу. При больномъ безотлучно находилась сестра милосердія.

Ночь на 1-е февраля провелъ въ безсознательномъ состояніи.

3-го февраля владыка всталъ около одиннадцати часовъ утра, самъ умылся, ходилъ по комнатѣ и даже пытался работать, но около часу дня принужденъ былъ лечь отдохнуть.

Съ 4-хъ часовъ дня сердце стало постепенно слабѣть и принятые мѣры лишь на нѣсколько минутъ подняли дѣятельность его. Въ 7 часовъ вечера высокопреосвященный Николай, не приходя въ сознаніе, тихо скончался.

По законамъ Японіи погребеніе умершихъ внутри города безусловно воспрещается, хотя русское посольство хлопотало о разрѣшеніи погребенія тѣла архіепископа въ православномъ соборѣ, но ходатайство это не увѣнчалось успѣхомъ.

Погребеніе тѣла архіепископа Николая было трогательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно: его почтили своимъ присутствіемъ японскіе министры — императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, русскій посоль со всѣмъ штатомъ посольства и многотысячное собраніе японскихъ христіанъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Японіи. Гробъ былъ покрытъ вѣнками, въ томъ числѣ отъ принца Канинъ Сайондзи-Уцида-Сайто Іай, президента Японскаго общества Терауци Гото, русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Во время отпѣванія присланъ великолѣпный вѣнокъ отъ Императора Японскаго Микадо. Со слезами провожала до вѣчнаго покоя японская паства горячо любимого архипастыря и любвеобильнаго отца. Вотъ, вотъ — и мрачная могила приняла въ свои нѣдра прахъ апостола Японіи, который былъ воистину

*) См. „Голосъ Долга“, 1912 г. № 3.

благій и добрый рабъ“, не закопавшій въ землю дарованныхъ ему Богомъ духовныхъ талантовъ.

Да, угасъ ярко горѣвшій свѣтильникъ, успокоилось его многострадальное тѣло до трубы Архангела. „Въ мірѣ скорбни будете“ (Іоанн. 16, 33), говорилъ Жизнодавецъ Христосъ ученикамъ Своимъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ будущимъ проповѣдникамъ Евангелія: „нѣсть рабъ болій Господа своего, аще Мене изгнаша и васъ изженуть“ (Іоан. 15, 20). Истина сихъ словъ, оправданная опытомъ многихъ проповѣдниковъ Евангелія, оправдалась въ полномъ смыслѣ и въ жизни апостола Японіи архіепископа Николая. Возьмемъ одно то, что развѣ легко ему было почти безвыѣздно*) прожить 52 года въ далекой языческой странѣ?.. Тяжела такая разлука особенно для людей привязанныхъ къ землѣ. Но не такъ думалъ о себѣ архипастырь, въ минуты искушенія онъ утѣшалъ себя словами апостола: „нынѣ радуюсь въ страданіяхъ моихъ, хвалимся въ скорбехъ, видяще, яко скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе-же—искусство; искусство-же—упованіе; упованіе-же не посрамитъ“. Стало-быть, земныя скорби и бѣдствія не такъ страшны, взывалъ Владыка къ своей скорбящей душѣ, какъ они кажутся намъ. Ими можно хвалиться, имъ можно даже радоваться, какъ хвалились и радовались св. апостолы. Стало-быть, скорби и печали нельзя почитать несчастіемъ, котораго надлежало бы страшиться и убѣгать, а истиннымъ благомъ, за которое должно благодарить Отца Небеснаго.

Всѣ тѣ душевныя муки и страданія, которыя пришлось испытать святителю за 52 года его жительства въ Японіи, можетъ только постигнуть тотъ, кто хотя малую часть ихъ постигъ своимъ личнымъ опытомъ. Жизнь его за все время была въ страхѣ, какъ бы приговореннаго къ смерти: злословили его—онъ благословлялъ, гнали—онъ терпѣлъ, хулили—онъ молилъ; онъ считалъ себя какъ-бы соромъ для міра, по апостолу, какъ-бы прахомъ всѣми попираемымъ (Кор. 4, 9—13).

Но нынѣ онъ уже достигъ тихаго пристанища въ небесномъ отечествѣ. Онъ уже уснулъ спокойнымъ сномъ на смертномъ одрѣ, забывъ всѣ свои земныя скорби, присущія всѣмъ праведникамъ, оживленный вѣрою и упованіемъ въ Жизнодавца Христа.

Нерѣдко, быть можетъ, кому-нибудь приходилось переноситься мыслию въ апостольскія времена и думалось, что нынѣ уже нельзя достигнуть этого

*) Онъ выѣзжалъ въ Россію за 52 года служенія только два раза—для посвященія въ санъ архимандрита и епископа.

высокаго апостольскаго званія. Нѣтъ, это неправда; взгляните на жизнь и труды современнаго апостола Японіи и ваше недоумѣніе разрѣшится, и слова Писанія: „Господь вчера и днесь, той-же и вовѣки“ будутъ близкими сердцу вашему, оно увѣрится, что неправильно думаютъ нѣкоторые, что нынѣ якобы нельзя достигать идеальнаго христіанскаго совершенства, а все возможно при помощи укрѣпляющей благодати о Христѣ Иисусѣ. Да, онъ показалъ и въ наше время въ началѣ двадцатаго столѣтія христіанства, что могутъ быть и нынѣ апостолы и возможны ихъ дѣянія.

Иеромонахъ Серафимъ.

VIII.

О Божественномъ промышленіи надъ русской землей, явленномъ въ событіяхъ при воцареніи дома Романовыхъ.

„Не двѣ ли птицы цѣнятся единому ассарію? и ни одна отъ нея падетъ на земли безъ Отца вашего. Вамъ же и власи главніи вси изощтени суть“ (Матѣ. X, 29—30).

Всѣми событіями жизни человѣка и народовъ управляетъ Господь. Людямъ дана только свобода желаній, то согласныхъ съ волею Божіею, то противныхъ ей, но осуществленіе сихъ желаній зависитъ уже отъ Промысла Божія, какъ поучаетъ насъ Апостоль: „послушайте вы, говорящіе: сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ и проживемъ тамъ одинъ годъ и будемъ торговать и получать прибыль, вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? Паръ, являющійся на малое время, а потомъ исчезающій. Вмѣсто того, чтобы вамъ говорить, если угодно будетъ Господу и живы будемъ, то сдѣлаемъ то или другое“ (Іак. 4, 13—15).

Итакъ, всѣ событія человѣческой и міровой жизни совершаются по волѣ Божіей: событія, полезныя для благочестія,—по его благоволенію,